

ЛИТЕРАТУРА

УДК 929 Карамзин

Алпатова Т.А.

Московский государственный областной университет

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Н.М. КАРАМЗИНА КАК МЕРА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ

T. Alpatova

Moscow State Regional University

PERSONALITY AND WORKS OF N. KARAMZIN AS A MEASURE OF METHODOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN HISTORY AND LITERATURE SCIENCE

Аннотация. В статье анализируется динамика высказываний о личности и творчестве Н.М. Карамзина начиная с первых прижизненных оценок до работ конца XX – начала XXI в. Автор рассматривает позиции представителей культурно-исторической школы, формальной школы начала XX в., семиотической школы и др., это позволяет выявить значение, которое имело творчество Карамзина для становления русской науки о литературе. Карамзиноведение (как и пушкиноведение, исследования творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.) на сегодня может считаться самостоятельной областью русской культуры, которая требует отдельного изучения. Рецепция творчества русского писателя-классика вписана в статью в широкий историко-литературный и историко-культурный контекст эпохи; поставлены проблемы дальнейшего изучения истории русского и зарубежного карамзиноведения.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, история русского литературоведения, личность писателя-классика, культурно-историческая школа, рецептивная эстетика.

Abstract. This article deals with the dynamics of statements about personality and creativity of N. Karamzin from the first contemporary appraisals to the works of the late 20th – early 21st century. The author examines the positions of the cultural-historical school, formal school of beginning of the 20th century, Semiotic school, and others; and this reveals the role that the N. Karamzin's works had played for the formation of the Russian science of literature. The study of Karamzin's works (as well as those of Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy and others) for today can be considered as an independent branch of Russian culture, which requires a separate study. The reception of works of Russian classic writer is inscribed in the article in a broad historical and literary, historical and cultural context of the era, the paper rises the problems of further research of the history of Russian and foreign study of Karamzin's works.

Key words: N. Karamzin, the history of Russian literature, the identity of classic writer, cultural-historical school, the aesthetics of reception.

Сегодня уже невозможно представить нашу литературу, журналистику, литературную и театральную критику, философскую мысль, «диалог» с другими культурами и народами,

© Алпатова Т.А., 2011.

Подготовлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы; ГК № 14.740.11.0562 от 05.10.10.

русскую историю и самосознание русского человека без того уникального художественно-философского, историко-политического и нравственного феномена, имя которому – Карамзин. Его творческая деятельность продолжалась более 40 лет; писатель прошел путь от ранних переводов и бессюжетных сентиментальных пейзажных зарисовок до глубочайших историко-политических размышлений «Записки о древней и новой России» и «Истории государства Российского», по справедливости названной А.С. Пушкиным «подвигом честного человека». И практически все, созданное им на этом пути, стало подлинным открытием – не только в рамках собственной художественной системы, но и для всей русской литературы. Изображение «жизни сердца» в лирических стихах и повестях, итоги развития многовековой истории и культуры Европы, увиденной глазами европейски образованного русского человека в «Письмах русского путешественника», новые принципы прозаического повествования, открывшие путь русскому классическому роману XIX столетия, история отечества, сделавшаяся благодаря Карамзину живой и интересной для современников, – все это и многое другое – щедрый дар писателя русской культуре и всем нам. Дар, так в полной мере и не освоенный, ведь в массовом сознании читателей личность Карамзина – человека, судьба которого во многом загадочна, исследовать мировоззрение которого возможно только с учетом множества направлений европейской мысли не только XVIII века, но и всего Нового времени, – нередко «подменяется» маской поверхностно понятого «чувствительного», наивно-сентиментального юноши, а из разнообразного и богатейшего творческого наследия вспоминается лишь сюжетная схема «Бедной Лизы». И все же «Карамзин возвращается». Несколько десятилетий назад именно так назвал статью об этом писателе В.Э. Вацуро; безусловно, возвращается, и процесс этого возвращения способен многое прояснить не только в наших представлениях о русском сентиментализме, о литературной ситуации рубежа XVIII–XIX вв., о сюжетах и

героях повестей писателя, о развитии русской историографии и т. п. Возвращение Карамзина может многое открыть нам (выросшим на постклассицистской, посттрадиционалистской культуре, истоки которой восходят в том числе и к карамзинскому наследию), в нас самих, в нашем отношении к миру, окружающим людям и самим себе.

Уже практически с первых самостоятельных публикаций писателя на страницах «Московского журнала» творчество Карамзина вызывало противоречивые суждения и споры. Не прекращаются они и по сей день. История изучения карамзинского наследия (как и творчества других писателей-классиков) сама по себе уже стала полноправной частью русской культуры. Поэтому, прежде чем говорить о творческом вкладе Карамзина в нашу литературу и культуру, необходимо хотя бы обзорно представить ту бесконечно разнообразную мозаику оценок, которая сложилась за годы читательского интереса к произведениям писателя.

На раннем этапе знакомства с ними, в 1790-е годы, ситуация вокруг Карамзина оказалась поистине парадоксальной. С одной стороны, необыкновенно активный читательский интерес, которого не знал ни один из писателей – предшественников Карамзина; однако этот интерес зачастую сопровождался столь же бурным и эмоциональным неприятием. Бывшие друзья Карамзина из кружка московских масонов в переписке строго осуждали молодого писателя за «дерзость» творить самостоятельно, не полагаясь на руководство тех, кто некогда считался его «братьями» [2].

В некоторых журналах появлялись сатирические «портреты» Карамзина в виде чувствительного автора, который отвергает общепринятые правила, поскольку из-за недостаточного образования не имеет о них понятия, не подражает древним, потому что не способен уважать чужое дарование. Таким предстает писатель новой школы сентиментализма в сатирической статье И.А. Крылова «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей» [13, с. 384–394]. Еще более острыми были высказывания

П.И. Голенищева-Кутузова, который обвинял Карамзина-писателя не только в недостаточной образованности, непомерной гордости и авторском самомнении, но и прямо в развращенности нрава, безбожии и вредном влиянии на читателя. Таким предстает Карамзин в полемическом стихотворении «Ода в честь моему другу» (1799) [5, с. 17-31], [19, с. 304-310]; высказанные в стихотворении упреки в адрес Карамзина Голенищев-Кутузов позднее повторил в письме к министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому (1810): «Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. <...> Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь» [8, с. 491]. Критические оценки давали и первые иностранные рецензенты Карамзина, ознакомившиеся с переводами «Писем русского путешественника» на английский и немецкий языки – переводами неполными и не отражавшими всего содержательного богатства, и тем более художественного своеобразия этой книги [1, с. 309-323].

Осуждение творчества Карамзина его первыми критиками было столь резким, что писатель оказался вынужден выступить в журнале «Spectateur du Nord» («Северный зритель», выходил в Петербурге на французском языке и предназначался в первую очередь для иностранцев, стремящихся лучше узнать культуру России) с анонимной статьей о русской литературе и под видом «разбора» «Писем русского путешественника» объяснить те творческие принципы, которым следовал в своей работе [10, с. 449-463].

В начале XIX в. споры вокруг произведений Карамзина продолжились. Импульсом для их обострения стала публикация брошюры А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), и особенно его следующей работы – «Рассуждение о красноречии Священного Писания» (1810). Шишков и его сторонники (получившие прозвище «шишковистов») обвиняли Карамзина в подражательности и в том, что основой «нового слога» стала не церковнославянская традиция, а «средний стиль», разговорный язык образованного общества. Объектом критики

Шишкова был не только сам Карамзин, но и писатели-карамзинисты, последователи его литературной манеры – И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и др. Из их среды и вышли первые литературно-критические статьи и заметки в поддержку творческих принципов Карамзина. «Карамзин открыл тайну в прямом значении – ясности, изящества и точности» [8, с. 38]. Утверждение этой истины одушевляло сторонников писателя в период полемики о старом и новом слоге русского языка.

Новый виток споров вокруг творчества Карамзина начался в 1818 г., после выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского». Широкий читательский интерес к этой книге (по свидетельствам современников, тираж в три тысячи экземпляров разошелся всего за месяц) вновь сочетался с разнообразными критическими выступлениями против исторической концепции Карамзина (М.Т. Каченовский), его политических взглядов (М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьев), даже стиля писателя [12].

Смерть Карамзина в 1826 г., по мнению его ближайших друзей, не вызвала в обществе резонанса, достойного масштабов этого горестного события. 10 июля 1826 г. А.С. Пушкин писал П.А. Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» [17, с. 286]. Почти сразу же после смерти писателя его друзья – Жуковский, Вяземский, Пушкин – начинают думать о создании его биографии. Так, Пушкин считал, что написать такой труд следовало бы Вяземскому: с 15 лет росший на руках Карамзина, он как никто знал и обстоятельства жизни, и характер своего старшего наставника. Однако память о Карамзине оказалась для Вяземского слишком личным душевным переживанием; он так и не смог написать биографию, хотя в записных книжках, которые Вяземский писал всю жизнь как своеобразный историко-культурный и историко-литературный труд, имеющий мозаич-

ную композицию, довольно много ценных сведений и о жизни, и о характере Карамзина, и главное – о том великом значении, которое имел для России свет его «...прекрасной, ясной души, исполненной веры в Провидение» [8, с. 82]].

Отдельные ценные высказывания о значении творчества Карамзина рассыпаны в статьях и заметках Пушкина. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, А.А. Григорьев, К.С. Аксаков, П.А. Плетнев в своих печатных выступлениях утверждали мысль о непреходящем значении художественного наследия Карамзина, о том, сколь важна память о нем для современной русской культуры. В противовес им снова и снова звучали голоса критиков Карамзина, отказывавших произведениям писателя в возможности быть интересными для сегодняшнего читателя, в оригинальности и самобытности (Н.А. Добролюбов, В.Н. Майков, А.М. Скабичевский и др.).

Первый биографический труд о жизни и творчестве Карамзина был создан М.П. Погодиным к 100-летию со дня рождения писателя, в 1866 г.: «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников» [16]. К этой же дате была приурочена публикация неизданных ранее сочинений и писем Карамзина [7] и большого труда – «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву», подготовленного к печати видным представителем культурно-исторической школы в литературоведении Я.К. Гротом [15]. Эти труды отвечали общему пафосу юбилейных торжеств 1866 г. – своеобразного нового открытия Карамзина для России, которая обретает в нем живую нравственную опору посреди тяжких исторических испытаний. Эту мысль глубоко выразил Ф.И. Тютчев в стихотворении, прочитанном 3 декабря 1866 г. на вечере памяти Карамзина в Обществе пособия нуждающимся литераторам и ученым:

*Мы скажем – будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой,
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный <...>*

*Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России [21, с. 166-167].*

В конце XIX – начале XX в. начинается новый этап изучения карамзинского наследия. В центре внимания ученых оказываются уже не только общие вопросы биографии писателя, историко-литературного значения его прозы, но и проблемы художественной формы, поэтики карамзинских текстов, открытия писателя в области литературного языка и стиля. Начало этому подходу положил фундаментальный труд В.В. Сиповского «Н.М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» (СПб., 1899), в котором «Письма...» впервые рассматривались не как реальный жизненный документ, источник сведений о биографии Карамзина (как, например, оценивал их ранее М.П. Погодин), но как художественный текст, строящийся по своим законам. На широком историко-культурном и литературном фоне В.В. Сиповский подробно рассматривал историю создания «Писем...», возможные источники литературных влияний, которые испытывал Карамзин в период работы над ними. Анализ различных редакций позволил исследователю сделать выводы об особенностях творческой эволюции Карамзина-писателя. В целом книга В.В. Сиповского стала основой исследования карамзинского творчества и не потеряла своего значения и по сей день.

Важный вклад в изучение поэтики Карамзина в 1910 – нач. 1920-х гг. внесли представители сформировавшейся в ту пору формальной школы русского литературоведения. Основные направления для таких исследований карамзинского творчества определил Б.М. Эйхенбаум в программной статье «Карамзин» (1916) [22]. Интерес формалистов к наследию Карамзина был связан в первую очередь со смелыми экспериментами в области художественной формы, которые в свое время столь часто приводили к неприятию карамзинского творчества современниками. Услышать это чрезвычайно живое начало в

произведениях писателя, по мнению Эйхенбаума, и есть главная задача литературной науки: «Мы еще не вчитались в Карамзина, потому что неправильно читали. Искали буквы, а не духа. А дух реет в нем, потому что он, “платя дань веку, вторил и для вечности”» [22, с. 213]. Над решением этой задачи трудились ученики и единомышленники Эйхенбаума – в сборнике «Русская проза», подготовленном под его редакцией, появились две статьи, представлявшие наиболее значительные и плодотворные жанровые формы, созданные Карамзиным для русской литературы, – путешествие и повесть [18], [20].

Новый всплеск интереса к Карамзину приходится на начало 1960-х гг. Это время было ознаменовано прежде всего публикациями целого ряда произведений писателя, что позволило начать его «возвращение» к читателям не только как чувствительного автора «Бедной Лизы», но и серьезного политического мыслителя, литературного критика, яркого и оригинального художника слова. Это было двухтомное издание избранных сочинений писателя (самое полное из доступных читателю в то время), подготовленное к печати П.Н. Берковым и Г.П. Макогоненко [6], и полное собрание стихотворений, изданное Ю.М. Лотманом [11]; несколько позднее Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским и Н.А. Марченко было подготовлено и академическое издание «Писем русского путешественника» [9]. С этого времени и до наших дней Карамзин становится предметом серьезных многосторонних историко-литературных штудий. В трудах П.А. Орлова, Г.П. Макогоненко, Ф.З. Кануновой, Л.Г. Кислягиной, В.В. Виноградова, В.И. Федорова, Е. Осетрова, Н.Я. Эйдельмана, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Э. Вацура, И.З. Сермана, Н.Д. Кочетковой, Л.А. Сапченко и многих других ученых. Художественное и историческое наследие Карамзина, его биография и творческое общение с современниками, влияние карамзинского наследия на писателей XIX – XX вв. и целый ряд других серьезных вопросов становятся предметом научного интереса. Произведения Карамзина привлекают вни-

мание и зарубежных ученых – Ханса Роте, Энтони Кросса и др.

Необыкновенно живое, изменчивое, рожденное духом смелого творческого поиска наследие Карамзина никогда не разочарует обратившихся к нему в поисках тайн и загадок, размышления над которыми помогут лучше понять не только художественный мир и эпоху самого писателя, но и мир вокруг нас, не только жизнь души карамзинских героев, но и нашу собственную душу. Именно поэтому столь справедливы по отношению к карамзинскому наследию слова Д.С. Лихачева: «Предстоит еще многое узнать о той роли, которую играл Карамзин в истории русской культуры. Но уже сейчас видно, что она была исключительно велика и благородна. Благородство – именно та черта, которая свойственна деятельности Карамзина во всех сферах и его убеждениям. Редкий человек прожил свою жизнь с таким достоинством, как это сделал Карамзин» [14, с. 749].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арзуманова М.А. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина из бумаг А.С. Шишкова // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII–XIX в. – Л.: Наука, 1969. – С. 309-323.
2. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII в. 1780-1792 // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. – Пг., 1915. – 405 с.
3. Вяземский П.А. Старая записная книжка // 1813–1877. – М., 2003. – 960 с.
4. Жуковский В.А. Эстетика и критика / Вст. ст. Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. – М., 1985. – 432 с.
5. Иппокрена, или Утехи любословия на 1799 год. – М., 1799. – Ч. 4. – 432 с.
6. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. / Вступ. ст. П.Н. Беркова и Г.П. Макогоненко, подготовка текста и примеч. П. Беркова. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 1. – 671 с. – Т. 2. – 455 с.
7. [Карамзин Н.М.] Неизданные сочинения и переписка. – СПб., 1862. – Ч. 1. – 240 с.
8. Карамзин: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей,

- критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. – СПб., 2006. – 1080 с.
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л., 1987 (Сер. «Литературные памятники»). – 618 с.
 10. Карамзин Н.М. Письмо в «Зритель» о русской литературе / перевод и подготовка текста Ю.М. Лотмана // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1987. – С. 449-463.
 11. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / Изд. подгот. Ю.М. Лотман. – Л., 1961 («Библиотека поэта. Большая серия»). – 424 с.
 12. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. – М., 1989. – 224 с.
 13. Крылов И.А. Полн. собр. соч.: в 3 т. – М., 1945. – Т. 1. 487 с.
 14. Лихачев Д.С. Вступительное слово на торжественном вечере, посвященном 225-летнему юбилею со дня рождения Н.М. Карамзина // Карамзин. Pro et Contra. – С. 748.
 15. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / Изд. Я. Грота и П. Пекарского. – СПб., 1866. – 587 с.
 16. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзина по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. – М., 1866. Т. 1-2. – Т. 1. – 456 с. – Т. 2. – 542 с.
 17. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М., Л., 1937. – Т. 13. – 651 с.
 18. Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза. – Л., 1926. – С. 42-73.
 19. Русская литература XVIII в. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей / Под ред. О.М. Буранка. – М., 2007. – 368 с.
 20. Скипина Л. Чувствительная повесть // Русская проза. – Л., 1926. – С. 10-31.
 21. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. – М., 2003. – Т. 2. – 487 с.
 22. Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. – М., 1969. – С. 203-213.